

Ж.М.Шмерлинг

НЕКОТОРЫЕ НЕНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ Р.Б.ХЕСИНА

Хочется рассказать о той научно-бытовой обстановке и той атмосфере, в которой проводились исследования Р.Б.Хесина. Мне довелось долгие годы работать рядом с Хесиным, быть свидетелем, а в некоторой степени и соучастником событий его рабочей жизни.

В 1948 г. после сессии ВАСХНИЛ и увольнения с кафедры генетики МГУ Хесин остался и без работы, и без каких-либо перспектив продолжать работать по своей специальности, которую он очень любил и считал самой центральной в биологии. Уже в те годы, задолго до возникновения молекулярной биологии, он предвидел неизбежное слияние генетики и биохимии и поэтому считал лучшим для себя выходом переквалифицироваться в биохимика.

С этой целью он прошел большой аспирантский биохимический практикум в I ММИ под руководством проф. Н.Ф.Толкачевской. После окончания практики и основательного изучения биохимических учебников Хесин в октябре 1949 г. поступил на работу в лабораторию химии тканей Института медицинской химии АМН, руководимую проф. С.Я.Капланским. С этого времени я и знакома с Хесиным. Наше знакомство перешло в большую дружбу и долгое сотрудничество до самых последних дней его жизни.

В лаборатории был дружный, сработавшийся коллектив, сложившийся еще до войны. Благодаря необыкновенно высоким человеческим качествам С.Я.Капанского, его доброте и юмору, сочетанию строгого отношения к научной работе с научной этикой в лаборатории создался прекрасный микроклимат. Научные интересы сотрудников тесно переплетались с лабораторным бытом и дополнялись дружественными отношениями между сотрудниками за пределами лаборатории. Р.Б.Хесин был принят коллективом очень тепло. Этому, конечно, способствовали и его личные качества, и та несправедливость, которая привела его, генетика, в биохимию. Хесин быстро освоился с традициями лаборатории, строго соблюдал и полностью вписался и в коллектив, и в его научную тематику. Капланский, крупный специалист по патологический химии, в то время занимался исследованием влияния малобелковой диеты на метаболизм тканей.

В лаборатории были коллективные завтраки с ежедневными дежурными. Много лет велись "скрижали", был свой поэт — Т.В.Краснова, которая своими стихами комментировала все внутрилабораторные события, свои маленькие праздники. Хесин выучил и пел наш лабораторный гимн на ежегодном праздновании Дня лаборатории, который отмечался 7 февраля, в день рождения С.Я.Капанского. Р.Б.Хесин обогатил жизнь лаборатории и новыми научными идеями, и очень интенсивной системой работы даже для нашего нормально работающего коллектива. Сам он трудился очень много, по 15-17 ч, и часто уходил с работы

далеко за полночь. Обстановка была во всех отношениях очень благоприятна для исследований. Хесин высоко ценил рабочую и моральную обстановку лаборатории. В дальнейшем он перенес многое из обычаев лаборатории Капланского в свой рабочий коллектив. Хесин был исключительно хорошим экспериментатором. Он быстро освоил биохимическую специфику исследований и разработал много своих оригинальных методов фракционирования тканевых гомогенатов и изучения функций отдельных клеточных фракций. Его работа обещала много интересного.

Но не так благополучно складывался "служебный путь" Хесина в Институте. Летом 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию в университете и по счастливому стечению обстоятельств буквально за несколько дней до трагической сессии ВАСХНИЛ успел пройти утверждение в ВАКе. Это позволило зачислить его в нашу лабораторию на должность младшего научного сотрудника. Однако меньше чем через год произошло очередное сокращение, под которое, как самый новый сотрудник, попал Хесин. В этот раз удалось его отстоять: два старших научных сотрудника согласились перейти в младшие с тем, чтобы сохранить Хесина на работе.

Следующий удар был более страшным. В АМН получили приказ, согласно которому "нераскаившимся" генетикам было запрещено заниматься научной деятельностью, и наша, сама по себе не очень "кровожадная", но очень послушная администрация издала приказ об увольнении Р.Б.Хесина. На этот раз единственной возможностью оставить его на работе был перевод на должность лаборанта. Инициатива и помощь в осуществлении такого решения проблемы принадлежали С.Е.Северину. Альтернатив не было. Перевод Хесина на должность лаборанта совпал с периодом начала его пионерских исследований по изучению синтеза белков в изолированных цитоплазматических гранулах. Коллектив не только нашей лаборатории, но и всего института, в котором Хесин пользовался большим авторитетом, был потрясен алогичностью, несправедливостью принятого решения и полной своей бесправностью в преодолении этой несправедливости. В ответ на действия администрации С.Я.Капланский освободил Р.Б.Хесина от всех плановых обязательств (он ведь числился лаборантом) и создал ему зеленую улицу для работы над докторской диссертацией.

Интересные научные данные, успех в работе и дружеское отношение окружающих позволили Р.Б.Хесину перенести эту неприятность и компенсировали острый недостаток в деньгах. Он продолжал работать со свойственным ему интенсивным темпом и с обычным для него энтузиазмом. Правда, возник новый, весьма неприятный компонент жизни, язва желудка со всеми ее классическими симптомами. Были и "голодные" боли, и приступы тошноты, в лабораторном термостате появилась дежурная манная каша. Трудно объяснить ее причины. Может быть, она была следствием всех служебных перипетий, а может быть, результатом очень случайного нерегламентированного питания на фоне многочасовой работы. Вероятнее всего, сыграли свою роль оба фактора. Если не считать военных ранений, язва была первым ударом по его завидному здоровью.

Так, будучи лаборантом, имея язву, не имея ни денег, ни положения, Р.Б.Хесин закончил экспериментальную часть своей докторской диссертации. И жизненная, и научная судьба снова представлялась в радужном свете.

18 марта 1953 г. 26 сотрудников еврейской национальности были уволены из института в связи с его реорганизацией. Остались неуволенными только два еврея: А.Е.Браунштейн и П.Н.Рабинович. На следующий день дополнительно были уволены сотрудники, у которых один из родителей был евреем. На этот раз остались неуволенными М.Н.Колосов (будущий академик) и Ирочка Каганова, очень красивая девушка, только что окончившая университет.

А.Е.Браунштейн в то время еще не был академиком, но уже открыл переаминоирование и имел всемирную известность. П.Н.Рабинович, химик-органик, был единственный человек в стране, который умел синтезировать радиоактивные аминокислоты.

Наша, как всегда, послушная администрация очень торопилась. Так, С.Я.Капланскому, который тоже был уволен, приказ об увольнении парторг (М.А.Губерниев) и директор (В.Н.Орехович) отвезли домой. Капланский только что выписался из больницы после своего первого инфаркта и еще не ходил на работу.

Сейчас трудно себе представить наш институт после этих приказов. Реакция как оставшихся, так и уволенных была очень сильной. Теперь ее назвали бы стрессом. Тогда такого слова не было в обиходе. Было много слез. Плакали оставшиеся. Особенно тяжело было смотреть на А.Е.Браунштейна. Он сидел в своем кабинете и тоже плакал: были уволены очень близкие ему и давние его сотрудники. П.Н.Рабинович из своей лаборатории не выходил. Мы с Р.Б.Хесиным сдавали оборудование и собирали свои экспериментальные материалы. У меня к тому времени тоже была подготовлена экспериментальная часть докторской диссертации. Препятствий к выносу этих материалов нам не чинили.

Увольнения прошли по многим институтам АМН. Устояли только редкие директора, например директор Института питания проф. Молчанова, в ее институте в эту кампанию не пострадал ни один человек.

Не веря в реальность увольнения, в первые дни безработицы мы пытались "искать правды" коллективно и обивали пороги в Министерстве здравоохранения, в Академии медицинских наук и других организациях общей уволенной группой. В тех случаях, когда нас допускали на прием, нам, естественно, ничего не объясняли и ничего не обещали.

Радостным для всех нас был день 4 апреля, когда в газетах был опубликован приказ об освобождении "врачей-убийц" и они были признаны невиновными. Ликование было всеобщим. Мы были уверены, что нас восстановят на работе. Р.Б.Хесин помчался в лабораторию, чтобы сохранить свои рабочие растворы.

Действительно, большая часть уволенных сотрудников была восстановлена. Вернулся на работу и С.Я.Капланский и сразу стал хлопотать о нашем возвращении. Но до сих пор по непонятным для меня причинам В.Н.Орехович категорически отказался вернуть Р.Б.Хесина и меня на работу.

И вот началась долгая и томительная безработица. Коллектив безработных распался, и каждый начал устраиваться в одиночку. Мы были очень энергичны. Были даже в отделе науки "Правды", которым тогда заведовал А.Н.Студитский. Бывали во всех учреждениях, где узнавали о вакансиях. Как правило, всегда получали положительные резолюции на своих заявлениях от заведующих лабораториями, которые совершенно не учитывались заведующими отделов кадров. Для меня география Москвы до сих пор связана с локализацией тех институтов, в которых мне не удалось устроиться на работу. Такая же ситуация была и у Р.Б.Хесина. Ему тогда еще очень мешало его "генетическое" прошлое. Нам очень помогали в наших поисках работающие товарищи. Все было безрезультатно. В то время развернул свою деятельность Институт информации. Он не зачислял на работу евреев, но рефераты давал независимо от национальности и очень этим выручал, но нужна была настоящая работа. В течение почти полутора лет все попытки ее получить были безуспешны. Стало ясно, что придется из Москвы уезжать.

Друзья Р.Б.Хесина узнали, что в Москву приехал новый ректор Каунасского медицинского института проф. Янушкевичус и что его очень тревожит отсутствие научной деятельности на кафедре биохимии института. И вот через В.В.Хвостову удалось найти общих знакомых с женой Янушкевичуса, которая устроила Хесину свидание с ним. Итогом этого свидания было приглашение Р.Б.Хесина заведовать кафедрой биохимии. Сейчас, много лет спустя, можно только удивляться как легкомыслию, так и глубокому пониманию людей со стороны Янушкевичуса, доверившего кафедру уволенному лаборанту без биохимического образования, а вместе с тем и смелости Р.Б.Хесина, никогда не читавшего лекций по биохимии, но отважившегося взять на себя ответственность за кафедру. Будущее показало, что они оба были правы.

В этом же августе 1954 г. меня пригласил на работу мой университетский учитель — М.М.Завадовский, получивший маленькую лабораторию через 6 лет после увольнения из университета в связи с той же сессией ВАСХНИЛ.

Итак, безработица кончилась. Окончился очень тяжелый период, наполненный обидами, ощущением несправедливости происходящего и своего неравноправия. Я не знаю, как бы мы пережили это время, если бы не помощь и дружеское отношение наших товарищей, русских ученых, к которым относятся М.М.Завадовский, В.В.Алпатов, П.М.Комаров, Е.Д.Вышепан и многие другие. Эти ученые всегда оставались верны лучшим традициям русской интеллигенции. Великая им за это благодарность.

Перед тем как перейти к каунасскому периоду жизни Хесина, необходимо сказать, что и во время безработицы, наполненное отрицательными эмоциями, Роман Бениаминович не изменил себе и своему образу жизни. Он работал без выходных, и к моменту его отъезда в Каунас в ученом совете Института им.А.Н.Баха лежала готовая к защите докторская диссертация.

Каунасский период начинался плохо: трудно было уезжать из родного дома и родной Москвы, трудно было оставлять одного очень немолодого и нездорового отца, которого Роман Бениаминович очень любил. Между ними были не только родственные отношения. Р.Б.Хесин считал отца как и А.С.Серебровского, своим первым учителем и в жизни, и в науке. К этому нужно добавить и волнения о будущей работе, и сильнейший приступ язвы с жестокими болями. Этот приступ очень испортил первый период каунасской жизни Хесина. В своем первом письме из Каунаса он пишет: "Вас, конечно, интересует и моя личная жизнь. Ее нет почти совсем, а то, что есть, — боль в животе. Очень мне худо: сильнейший приступ, так что, идя на лекцию, думаю, не придется ли сбежать! Но пока все обходится. Снял комнату, хозяйка теперь покупает молоко, и я надеюсь, что это меня спасет (уже стало лучше). Таким образом душевные переживания у меня полностью заменились буквально чисто животными. А вообще уехал из Москвы с очень тяжелым ощущением отъезда в ссылку, и здесь, пока не заболел животик, было весьма одиноко. Сильное впечатление заграницы, потери родины".

К счастью, дальнейшие события не подтвердили грустных прогнозов. Очень помогли литовские товарищи, сотрудники Мединститута. Они дружелюбно встретили Хесина. Ученый совет единогласно утвердил его и.о. заведующего кафедрой. Приступ язвы ослабевал. Р.Б.Хесин довольно часто приезжал в Москву, а главное — большое удовлетворение доставляли ему лекции. Если на первых лекциях студенты громко возражали против русского языка, то уже через 2-3 лекции возникло взаимное понимание, лекции привлекали большое число студентов и преподавателей других курсов и кафедр. Очень повезло Р.Б.Хесину и с жильем. Хозяева, молодая пара, хорошо относились к молодому одинокому жильцу, с которым они подружились; они старались ему помочь в бытовом плане и целиком взяли на себя заботу о Пинге — ирландском сеттере, который сопровождал ученого в его поездке.

Штаты кафедры были невелики: 3 ассистента и 4 лаборанта. На кафедре был хорошо налажен педагогический процесс, но действительно научной работы не велось. Р.Б.Хесин ничего не ломал, не устраивал общих собраний, бережно относился к обычной кафедре. С каждым сотрудником он говорил отдельно. После этих общих бесед каждый твердо знал, что от него требуется, и стал спокоен за свою судьбу. С большим теплом сотрудники кафедры вспоминают, как в их жизнь начала внедряться наука. Это внедрение начиналось с оборудования, которое частично одалживал у друзей в Москве. Так появились на кафедре аппараты Варбурга, центрифуга и спектрофотометр. Любовь и интерес к науке Р.Б.Хесин воспитывал личным примером, который всегда был главным инструментом в его педагогике.

Сейчас, почти 40 лет спустя, кафедра преобразилась. Медицинский институт переименовали в Медицинскую академию. В новом ее здании кафедра биохимии

занимает 30 комнат. Кафедра прекрасно оборудована самыми современными приборами. На ней идет большая исследовательская работа, посвященная изменению синтеза белка при инфаркте миокарда. Руководит этими исследованиями профессор, доктор биологических наук Лукошявичус. Эта кафедра мало напоминает скромное помещение в старом здании Медицинского института. Немного осталось людей, которые помнят Р.Б.Хесина, но те, кто помнит, вспоминают о нем тепло и уважительно. Хочется думать, что есть связь между современной кафедрой и деятельностью Р.Б.Хесина. В фундаменте, на котором она построена, есть камни, заложенные ученым в те далекие годы.

В отношении к сотрудникам кафедры появилась характерная для Р.Б.Хесина черта: обязательность к тем людям, которые связывали с ним свою судьбу. Трое его ассистентов защитили диссертации непосредственно под его руководством или при его активном участии. Двое — Толюшес и Петрашкайте — заканчивали свои кандидатские работы уже в лаборатории Хесина в Москве. Между ними и сотрудниками лаборатории установились прочные дружеские отношения, которые сохранились и до сих пор. Толюшес, к сожалению, умер еще очень молодым, а Стася Петрашкайте — всегда желанный гость в лаборатории.

Очень скрашивали каунасское одиночество Р.Б.Хесина его друзья. Они часто приезжали и жили у него. Друзья в жизни Романа Бениаминовича всегда играли большую роль, и мне хочется сказать несколько слов о нем как о друге. Он очень умел дружить, и когда с тем, кого он считал своим другом, случалась беда, с горячим участием приходил на помощь. Здесь он не жалел даже своего времени, которым дорожил больше всего. Никогда ни к кому не обращавшийся с просьбами для себя, он использовал все свои возможности для того, чтобы помочь своим друзьям. Я думаю, что многие из друзей Р.Б.Хесина четко делят свою жизнь на то время, пока он был жив и когда его не стало. Особенно близкими ему были Е.В.Карасева, Б.С.Кулаев, А.М.Уголев, К.М.Эфрон и Г.Э.Фельдман. В тот трагический период, когда волей обстоятельств число членов его семьи снизилось до нуля, друзья заменили ему семью.

Каунасский период близился к концу. Несмотря на его относительную краткость (3 года), он сыграл очень важную и положительную роль в жизни Р.Б.Хесина. Здесь он почувствовал и проявил свой организационный талант, способность возглавлять научный коллектив. В это же время Хесин защитил докторскую диссертацию и почувствовал твердую почву под ногами.

Осенью 1956 г. Р.Б.Хесин вернулся из Каунаса в Москву по приглашению Н.П.Дубинина для организации группы биохимической генетики в составе его лаборатории в Институте биофизики АН СССР. Эта группа стала зародышем будущей основной лаборатории Хесина. Она состояла из 6 человек (И.А.Басс, Т.П.Платова, В.А.Гвоздев, Ж.М.Горленко, Л.Алейникова и В.Нанкина). Своеобразием группы было полное отсутствие территории. Сотрудники были рассредоточены по всей Москве в тех институтах, где работали друзья Хесина, которые пошли ему навстречу и выделили 1-2 рабочих места в своих лабораториях. В этот период самую большую помощь оказал Р.Б.Хесину верный его друг проф. Д.М.Гольдфарб (умер в конце февраля 1990 г. в Вашингтоне). Он щедро поделился своей очень скромной в то время лабораторной жилплощадью и оборудованием, приютив двух сотрудников бездомной группы. Работать было трудно и потому, что отдельные звенья эксперимента были разобщены. Связь между ними, по принципу челночного вектора, осуществлял Хесин на своей машине, которая и тогда и в каунасский период очень облегчала ему жизнь. Эту машину, коричневую "Победу", подарил ему отец в самый тяжелый период безработицы.

Территориальные, да и другие служебные мытарства Р.Б.Хесина закончились при переходе всей группы в радиобиологический отдел Института атомной энергии (ИАЭ), созданный по инициативе академиков И.В.Курчатова, А.П.Александрова и И.Е.Тамма для возрождения и развития поруганной и разрушенной в

1948 г. генетики. Тогда Хесин пригласил меня работать в своей вновь созданной лаборатории, которая в системе института называлась сектором 57.

Нельзя не отметить очень большую благожелательность к новому такому непривычному для физиков отделу. Мы постоянно чувствовали не только интерес, но и поддержку со стороны и администрации, и тех сотрудников, с которыми нам приходилось сталкиваться. Большую часть лабораторий нового отдела приютил у себя в здании проф. И.И.Гуревич. У персонала ИАЭ вызывали нескрываемый интерес и любопытство наши мыши, крысы и кролики, которые мирно разместились в окружении мощных физических лабораторий и реакторов. Институт был в то время богатый, и нам по возможности ни в чем не отказывали. Были доступны даже такая экзотика, как молоко кокосовых орехов, а также морская вода, необходимая для привередливых клеток некоторых культур.

Непосредственным организатором нашего биологического отдела в недрах ИАЭ был В.Ю.Гаврилов, отдавший много душевных и физических сил для его создания и для строительства нового здания, в котором сейчас расположен Институт молекулярной генетики АН СССР, организованный на базе биологического отдела ИАЭ. Об истории биологического отдела, возникшего в недрах физической науки, уже многое известно, и я не буду останавливаться на хронологическом изложении событий, связанных с его созданием, и развитием в нем научных исследований. Это подробно описано В.А.Гвоздевым. Сектор 57 превратился в ЛМОГ — лабораторию молекулярных основ генетики. В этой лаборатории Р.Б.Хесин работал всю свою оставшуюся жизнь. В ней он вырос в крупного ученого с мировым именем и в организатора. Здесь проявились все его замечательные качества исследователя и человека. При создании лаборатории и в организации ее работы Хесин следовал принципам высокой научной этики, научного энтузиазма и самоотверженного труда, был очень требователен к себе и к сотрудникам, исключал всякую халтуру и небрежность в работе. В организации лаборатории принимал участие весь ее коллектив, к которому вскоре присоединились М.Ф.Шемякин, О.Б.Астаурова, Ю.Н.Зограф и В.Г.Никифоров.

Шло время. Появились новые люди, аспиранты, дипломники. Лаборатория росла. Увеличивались и педагогическая, и административная нагрузки. Р.Б.Хесин упорно продолжал заниматься экспериментальной работой, которая часто продолжалась далеко за полночь.

В лабораторию перешла большая группа генетиков, изучавшая микроорганизмы, из отдела С.И.Алиханяна. В ней были С.З.Миндлин, Т.С.Ильина, Э.С.Каляева и др. Такое пополнение сильно содействовало усилению генетической направленности лаборатории. Этому же способствовало превращение В.А.Гвоздева в истинного дрозофилиста. В научном плане Гвоздев повторил путь Хесина, но в обратном порядке: получив классическое биохимическое образование на кафедре биохимии животных в МГУ, он переквалифицировался по инициативе Хесина в генетика. На это у Гвоздева ушел год напряженнейшей работы. Такая смена профессий с их последующим синтезом привела к созданию новой, отпочковавшейся от ЛМОГ лаборатории, которой заведует Гвоздев. Успешная работа в этой лаборатории и ее интересные данные давали Хесину большое удовлетворение.

Р.Б.Хесин большое внимание уделял внутрилабораторной педагогике и созданию в лаборатории обстановки взаимной доброжелательности. У нас появились свои традиции и обычаи. Мы отмечаем много дат и событий. Основной датой было 20 декабря — день, когда в группу биохимической генетики был принят первый сотрудник. Им была И.А.Басс, у которой 20 декабря был собственный день рождения. Первые годы, когда лаборатория была маленькой, этот день отмечали на квартире Р.Б.Хесина (на улице Белинского). С увеличением числа сотрудников этот день продолжали отмечать, но уже на других территориях.

Важной датой в жизни лаборатории считалось 10 апреля, с которого начал свою жизнь 57 в ИАЭ. Этот день отмечали в круглые даты, через 5, 10, 15 и 20 лет. Жалко, что мы не сохранили этой традиции и никак не отметили 30-летие,

которое было в 1989 г. Праздновались и другие события: удачное завершение работы, хорошие доклады, иногда дни рождения и т.д.

Остались в памяти вкусный и интересный капустник в честь получения первого РНК-полимеразного мутанта, устойчивого к действию рифампицина, и празднование получения первого радиоактивного НТФ, которого тогда не было в нашей стране. В традицию лаборатории вошло празднование дня рождения Р.Б.Хесина — 24 марта. В этот день мы устраивали в лаборатории общий чай, на который сотрудники приносили самодельные кулинарные изделия. Материальных подарков шеф не допускал. Во всех праздниках лаборатории Р.Б.Хесин принимал активное участие, любил их и всегда танцевал, постоянно меняя партнерш, чтобы не было обиженных. Существовали у нас и другие обычаи. Так, при рождении у сотрудника лаборатории ребенка обязательным подарком считали коляску. Была обще-лабораторная касса, которая составлялась из ежемесячных взносов сотрудников в размере 1 % зарплаты; эти деньги тратили на чай и подарки. Была у нас и другая касса; ее основу составляли деньги за руководство аспирантурой, вносимые в кассу сначала Хесиным, а потом и другими сотрудниками. Эта касса давала нам возможность основательно поддерживать сотрудников в их тяжелые минуты.

Большое место в жизни лаборатории занимали "пятиминутки", которые проводились почти каждый понедельник и фактически длились до конца дня. В перерыве пили чай. Программа пятиминуток была очень разнообразна: экспериментальные отчеты, рефераты, репетиции внелабораторных выступлений и диссертационных докладов и др. Эти семинары были очень нужны и полезны лаборатории и помогли многим стать настоящими учеными.

Росла лаборатория, рос ее научный потенциал. Работы лаборатории получили общее признание, и она заняла свое место в числе ведущих лабораторий в области молекулярной биологии. Сотрудники лаборатории стали лауреатами Государственной премии, несколько раз получали премию им. И.В.Курчатова. Р.Б.Хесин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Хочу остановиться на двух далеко не стандартных особенностях Р.Б.Хесина. Первая — он никогда не соглашался быть соавтором тех публикаций, в которых не принимал участия в качестве экспериментатора или при теоретической разработке вопроса. На этой почве возникали частые недоразумения, но его трудно было переубедить. Может быть, по этой причине список научных публикаций Хесина меньше, чем у многих ученых его ранга, зато очень велик список тех работ, в которых ему выражается искренняя благодарность за советы и руководство.

Вторая особенность Р.Б.Хесина — то, что он практически до конца жизни сам работал экспериментально и многие исследования, проводимые в лаборатории, начинались за его рабочим столом. Это имело большое и положительное значение для жизни лаборатории. Хесин был прекрасным экспериментатором и наглядным примером для своих учеников.

Совмещать руководство лабораторией, чтение лекций в университете и экспериментаторскую работу позволяла исключительная работоспособность ученого. Он работал буквально днем и ночью.

Я сознательно не останавливаюсь на всех хороших и плохих чертах Р.Б.Хесина, которые, конечно, тоже у него были, но не сказывались заметно на его образе большого ученого и достойного человека. Об еще одной черте характера Романа Вениаминовича не могу не сказать: он был очень добрым человеком, но стеснялся своей доброты и старался ее не показывать. Ему нравилось быть "железным".

Рассказывая о Р.Б.Хесине, нельзя не сказать о самом большом его горе. Весной 1965 г. погиб по нелепой случайности его единственный сын. Это горе, конечно, притупилось со временем, но никогда не оставляло отца ни в светлые, ни в горькие минуты. Он высказал такую мысль: "Свои гены можно передавать не только генетическим путем, их можно передавать своим ученикам". Может быть, и поэтому он так любил своих учеников и отдавал им много времени и души.

После 1965 г. началась серия инфарктов. Не удалось точно установить, было ли их три или четыре. Хесин научился бороться с ними, в чем очень помогал ему проф. А.И.Сыркин. На работе лаборатории они сказывались несильно. После нескольких дней, проведенных в реанимационном отделении, его палата в больнице превращалась в филиал лаборатории, где обсуждались экспериментальные данные, правились статьи и на столе увеличивалась стопка журналов. Научная жизнь Хесина и в больнице продолжала быть плодотворной.

Не нужно думать, что работа в этот период была сплошной идиллией. Как и повсюду, до идиллии было далеко. Были и кадровые трудности, и несогласия с руководством, и многое другое. Р.Б.Хесин несмотря на многочисленные и постоянные приглашения, практически ни разу не был за границей, если не считать поездку в Чехословакию на Менделеевские торжества и в бывшую ГДР (на 5 и 7 дней). Даже ставшие классическими работы о "поздних" и "ранних" РНК докладывал за Хесина в Страсбурге В.Ю.Гаврилов. По-моему, это было очень большой и непоправимой ошибкой, принесшей серьезный вред нашей науке. По-видимому, ее можно объяснить только тем, что чиновникам, от которых зависели поездки, была недоступна степень гражданственности Романа Вениаминовича.

В 1984 г. Хесина настигла последняя болезнь, с которой он не мог справиться. Последние дни своей жизни он провел в онкоцентре. В этот период он допускал к себе только самых близких людей и очень боялся огорчить их своей беспомощностью. Среди этих людей был Гарри Израилевич Абелев, который очень скрасил последние дни жизни Романа Вениаминовича.

Р.Б.Хесин умер 16 июля 1985 г.

Роману Вениаминовичу пришлось испытать в жизни много несправедливостей, горя и физической боли. Несмотря на это, он прожил прекрасную жизнь, которая была у него бескомпромиссной. Он знал счастье творчества, радости любви и дружбы. Он был признан при жизни. Его любили ученики и сотрудники. Большую радость он испытывал при общении с природой.

Способом его жизни была работа во имя науки. Ее эмоциональной основой были твердость, доброта и любовь к людям. Р.Б.Хесин оставил о себе самую светлую память.